

Благодарности

Мы хотели бы поблагодарить Марка Дженнони из Северо-Восточного университета за то, что он подробно ознакомил нас с «Разделом XI»¹.

Также мы благодарны Линде Марроу за редакторскую экспертизу и за то, что она поощряла нас на ранних этапах написания романа.

Мы безмерно благодарны искушенной и находчивой Мег Рули, такой агент — мечта любого автора.

Отдельная благодарность нашему редактору Грейс Доил, ее мудрые советы и позитивный настрой определенно пошли на пользу нашей книге. Работать с ней и с командой по маркетингу и публицити издательства «Thomas and Mercer»: с Сарой Шоу, Линдси Брэгт и Бриттани Рассел — одно удовольствие.

¹ «Раздел IX» («Title IX») — Федеральный закон США, запрещающий дискриминацию по признаку пола в образовательных программах, финансируемых из федерального бюджета. (Здесь и далее примеч. перев.)

ПОСЛЕ

1

Фрэнки

Существуют десятки способов совершить самоубийство, и за тридцать два года работы в полиции Бостона детектив Фрэнсис «Фрэнки» Лумис, пожалуй, успела столкнуться с каждым.

Мать шестерых детей, не в состоянии справиться с непрекращающейся свистопляской в доме, заперлась в ванной, порезала вены на запястьях и наконец обрела вечный покой в ванне с теплой водой.

Обанкротившийся бизнесмен привязал свой ремень из страусиной кожи за пятьсот долларов к дверной ручке, сунул шею в петлю и просто сел на пол, позволив массе собственного тела безболезненно переправить его в небытие.

Немолодая актриса, осознав, что ее шансы получить новую роль весьма призрачны, надела розовый пеньюар, наглоталась дилаудида, улеглась на кровать лицом вверх и отошла в мир иной безмятежная, как Спящая Красавица.

Все эти люди предпочли уйти тихо и постарались оставить после себя минимум грязи, чтобы живым не пришлось слишком уж долго и нудно за ними прибираться.

С этой девушкой все иначе.

Тело уже упаковали в мешок и увезли, кровь со временем смоем дождь, но пока еще видно, как она, смешиваясь с водой, ручейками течет к водосточному желобу. При свете мигалок патрульных машин эти кровавые ручейки отливают черным, словно нефть.

5:45, час до рассвета. Сколько же она здесь пролежала, прежде чем водитель «Лифта»¹, который ехал домой, после того как в 3:15 высадил пассажира, заметил тело и понял, что это не просто какая-то груда тряпья на тротуаре?

Прищурившись, Фрэнки сквозь дождь смотрит на балкон пятого этажа.

Падения с такой высоты плохо заканчиваются. Выбитые зубы, вмятина вполлица — жуткие подробности, но та девушка, когда перелезала через перила, чтобы ласточкой прыгнуть вниз, вряд ли о таком думала.

Фрэнки — мать восемнадцатилетних двойняшек, кому, как не ей, знать, на какие рискованные поступки способны импульсивные молодые девицы. Если бы эта девушка подумала о том, что случается с телом, которое падает на асфальт с пятого этажа, и о том, во что после падения превратится ее красивое лицо с идеальными зубами...

Маклеллан, напарник Фрэнки, стоит рядом. Он укрывается от дождя зонтом с розовыми цветочками, который явно принадлежит его жене, и слегка поеживается.

— Что ж, думаю, мы здесь закончили, пора по домам. У меня ноги промокли.

— Ее телефон нашли? — спрашивает Фрэнки.

¹ «Лифт» («Lyft») — агрегатор такси.

— Не-а.
— Тогда давай поднимемся и осмотрим квартиру.
— Опять?
— Ее телефон должен быть где-то здесь.
— Может, у нее вообще его не было.
— Брось, Мак. Нынче у всех молодых телефон, считай, продолжение руки.

— Может, она его потеряла. Или какой-нибудь засранец проходил тут после ее падения и решил его прихватить.

Фрэнки смотрит вниз, на постепенно исчезающую лужу крови в том месте, где голова девушки разбилась об асфальт. В отличие от человеческого тела сотовый телефон в жестком футляре может уцелеть после падения с пятого этажа. Возможно, Мак прав. Возможно, какой-нибудь тип проходил мимо и, увидев тело, первым делом решил поживиться чем-нибудь ценным, а вызвать «скорую» или полицию ему даже в голову не пришло. И это не удивило бы Фрэнки: за тридцать лет службы в полиции ее вера в людей регулярно подвергалась сомнению.

Она показывает на закрепленную на доме напротив камеру наблюдения:

— Если кто-то прихватил ее телефон, вон та камера это зафиксировала.

— Ага, может быть. — Мак чихает, ему явно хреново. — Утром заберу видео.

— Идем наверх, посмотрим, может, что-то упустили. Мак стонет:

— Знаешь, что лично я упустил? Сон в теплой постели.

Но все равно он покорно тащится за Фрэнки за угол к подъезду дома.

Лифт, как и дом, старый и еле ползет на пятый этаж. Фрэнки и Мак молчат — они слишком устали, да и настроение у обоих паршивое. Из-за холодной погоды у Мака обострилась розацеа, и при резком свете ламп в лифте его нос и щеки стали неоново-красными. Фрэнки знает, что напарник переживает из-за своего состояния, поэтому смотрит прямо перед собой и считает этажи, пока дверь наконец-то не открывается.

Дверь в квартиру номер 510 охраняет патрульный, в такой ранний час это до отупения скучная задача. Он небрежно машет детективам рукой. Еще один коп, который предпочел бы оказаться не на службе, а дома в собственной кровати.

В квартире погибшей девушки Фрэнки еще раз, но уже более тщательно осматривает гостиную. Как мать, она давно насобачилась находить приметы плохого поведения своих дочек: мокрые ботинки в шкафу после вылазки из дома в дождливую ночь; характерный запах марихуаны от кашемирового свитера; мистический скачок миль на одомере «субару». Двойняшки возмущаются и говорят, что ей бы не в полиции работать, а тюремной надзирательницей. Пусть так, но зато они без потерь прошли через пубертатный период. Фрэнки верит, что, если сможет целыми и невредимыми проводить дочерей во взрослую жизнь, ее родительский долг будет исполнен. Но кого она хочет обмануть? На самом деле родительская работа никогда не кончается. Даже если она доживет до ста лет, это не значит, что она перестанет по ночам волноваться из-за дочерей, пусть им и будет уже по семьдесят с лишним.

Повторный осмотр квартиры не занимает много времени. Квартирка тесная, обставлена скудно, мебель, по-

хоже, даже в секунд-хенд принимать отказались. Диван точно успел послужить нескольким владельцам, а деревянные половицы все в длинных глубоких царапинах, — видно, студенты-арендаторы не раз затаскивали в квартиру свою мебель, а потом, съезжая, вытаскивали. На столе — пустой бокал для вина и ноутбук, Фрэнки уже успела убедиться, что он запаролен. Рядом с ноутбуком распечатанный проект эссе для занятий в Северо-Восточном университете.

«В аду нет ярости: насилие и презираемая женщина».

Это работа девушки, которая жила в этой квартире и которая теперь на пути в морг, где ее уложат на выдвижную полку холодильника.

Фрэнки с Маком уже перетрясли сумку погибшей и проверили содержимое бумажника: студенческий билет, водительские права штата Мэн и восемнадцать долларов наличными. Теперь им известно следующее: ей двадцать два года; родилась в Хобарте, штат Мэн; рост — пять футов шесть дюймов, вес — сто двадцать два фунта, шатенка, глаза карие.

Фрэнки проходит в кухню, где они еще в первый раз обнаружили в микроволновке чуть теплую, но нераспечатанную порцию макарон с сыром из «Мари Каллендер»¹. Фрэнки кажется странным, что девушка разогрела пищу, которую так и не съела. Что заставило ее забыть о еде, пойти на балкон и прыгнуть навстречу смерти? Плохие новости? Телефонный звонок? На столешнице лежит учебник из колледжа, на обложке — лицо женщины с горящими волосами и разинутым в гневном крике ртом.

¹ «Мари Каллендер» — сеть ресторанов.

«Медея, женщина из мифа».

Фрэнки понимает: этот миф должен быть ей знаком, но после окончания колледжа прошло столько лет, и теперь она помнит только, что там шла речь о мести. За форзацем в учебнике она находит письмо. Это уведомление о зачислении в магистратуру. Отправитель: кафедра английского языка и литературы Северо-Восточного университета.

Еще одна деталь, которая вызывает недоумение.

Фрэнки поворачивается к балкону. Теперь дверь закрыта, но, когда управляющий впустил их в квартиру, она была распахнута и ветер заносил струи дождя внутрь. На полу еще не высохли темные пятна. Фрэнки открывает дверь и выходит на балкон. От дождя ее укрывает балкон шестого этажа. В витрине напротив отражаются вспышки мигалок двух патрульных машин. Еще час, и рассветет, патрульные машины уедут, тротуар после дождя будет чистым, и ни один пешеход не догадается, что ступает по тому месту, где всего несколько часов назад рассталась с жизнью молодая женщина.

Мак тоже выходит на балкон.

— Похоже, она была красавицей, — вздыхает он. — Жалко девчонку.

— Если бы она была некрасивой, ее было бы жаль не меньше, Мак.

— Ага, да, конечно.

— И ее только что приняли в магистратуру. Уведомление в учебнике на кухонном столе.

— Черт, правда? Не понимаю, что происходит в головах у этих нынешних ребят?

Фрэнки задумчиво смотрит на серебристую завесу дождя.

— Я и сама постоянно задаюсь этим вопросом.
— Ну у твоих-то девочек с головой все в порядке. Они бы никогда ничего такого с собой не сделали.

Тут Фрэнки согласна с напарником. Самоубийство — форма капитуляции, а ее двойняшки — настоящие бойцы, бунтарки с несгибаемой волей.

Она смотрит вниз на тротуар:

— Да, это был долгий полет.
— Смотреть не буду, верю на слово, — говорит Мак.
— Она, должно быть, была в отчаянии.
— Значит, ты готова признать, что это было самоубийство?

Фрэнки продолжает смотреть на тротуар внизу и пытается понять, в чем источник ее беспокойства. Почему внутренний голос нашептывает ей: «Ты что-то упустила. Рано ставить точку».

— Ее телефон. Где он?

Кто-то стучит в дверь. Фрэнки с напарником одновременно оборачиваются и видят заглядывающего в квартиру патрульного.

— Детектив Лумис? У нас тут соседка объявилась. Хотите с ней поговорить?

В коридоре стоит девушка азиатского происхождения. Она говорит, что живет в соседней квартире. Судя по халату и шлепанцам, она только недавно проснулась. Девушка постоянно поглядывает на дверь в квартиру умершей соседки, как будто опасается, что там скрывается нечто ужасное.

Фрэнки достает свой блокнот:

— Итак, ваше имя?
— Хелен Нг. По буквам: Эн-гэ. Я тоже учусь в Северо-Восточном университете.
— Вы хорошо знали свою соседку?

— Нет, только здоровались при встрече. Я сюда въехала всего пять месяцев назад. — Она запинаяется и снова испуганно поглядывает на дверь соседской квартиры. — Господи, поверить не могу...

— В то, что она покончила с собой?

— Что это случилось через стенку от меня. Когда мои родители узнают, они с ума сойдут и заставят меня вернуться домой.

— И где они живут?

— В Куинси, это отсюда прямо на юг. Они хотели, чтобы я сэкономила деньги на дорогу, но такого опыта они для меня точно не хотели. Одно дело, когда живешь в своей квартире...

Фрэнки не дает ей договорить:

— Расскажите нам о вашей соседке.

Хелен на секунду задумывается и пожимает плечами:

— Я знаю только, что она учится... училась на последнем курсе. Приехала из небольшого городка в Мэне. Она была довольно тихой, ничем особенным не выделялась.

— А вчера вечером вы никакого подозрительного шума не слышали?

— Нет. Но я простудилась и перед сном приняла несколько таблеток бенадрила. Проснулась только, когда услышала полицейскую рацию в коридоре. — Хелен снова поглядывает на соседскую дверь. — Она оставила какую-нибудь записку? Объяснила, почему это сделала?

— А вы догадываетесь, почему она это сделала?

— Ну, несколько недель назад она выглядела очень подавленной. Она тогда рассталась со своим парнем. Но я думала, что она уже оправилась.

— Кто ее парень?

— Его зовут Лиам. Я видела его здесь несколько раз еще до того, как они расстались.

— А его фамилия?

— Не помню. Но я знаю, что они из одного города и он тоже учится в Северо-Восточном, — говорит Хелен и через небольшую паузу спрашивает: — Вы позволите ее матери? Она уже знает?

Фрэнки и Мак переглядываются. Никто из них не хочет звонить матери погибшей девушки, но Фрэнки отлично знает, с помощью какого нехитрого приема Мак, как всегда, переложит эту задачу на нее. Он скажет: «Ты женщина, у тебя такое лучше получается». У Мака нет детей, он и представить не может, что творится на душе у Фрэнки, когда она думает о матери, которой предстоит услышать подобную новость. Он даже не подозревает, как тяжело даются его напарнице такие звонки.

— Значит, бывшего парня зовут Лиам, он из маленького городка в штате Мэн и учится в Северо-Восточном университете? — уточняет Мак, делая пометки в блокноте. — Все верно?

— Да. Он старшекурсник.

— Ну, вычислить его будет несложно. — Мак закрывает блокнот и смотрит на Фрэнки. — Информации вполне достаточно.

И Фрэнки читает в его взгляде: «Девчонку бросил парень. У нее была депрессия. Какие еще могут быть вопросы?»

После осмотра места происшествия следовало бы поехать домой, принять душ, позавтракать, поздороваться с двойняшками, если они уже встали, но Фрэнки по пути домой на Оллстон-стрит не может удержаться и делает крюк. Крюк небольшой — всего несколько

кварталов, и Фрэнки в большинстве случаев справлялась с желанием снова увидеть тот дом. Но в это утро ее «субару» словно по собственной воле отклоняется от маршрута, и Фрэнки в который раз обнаруживает, что припарковалась на Паккардс-Корнер и смотрит на четырехэтажный кирпичный дом, в котором до сих пор живет та женщина.

Фрэнки знает, как зовут ту женщину, где она работает и сколько ей выписано талонов за неправильную парковку. Все эти факты больше не должны ее волновать, однако волнуют. Фрэнки ни с кем этим не делилась, ни с коллегами в отделе убийств, ни даже с дочерьми. Нет, эту информацию она придерживает для себя, потому что даже сам факт, что она знает о существовании этой женщины, чертовски для нее унизителен.

И вот Фрэнки сидит одна в своей машине под морозящим апрельским дождем и наблюдает за многоквартирным домом, за которым у нее нет никаких оснований наблюдать, разве что она склонна к самоистязанию. Все решили, что она оправилась после трагедии и живет дальше своей жизнью. Ее дочери с отличием закончили среднюю школу, сейчас у них промежуточный год, и они вполне счастливы. Коллеги из Департамента полиции Бостона давно перестали отводить глаза и больше не смотрят на нее с сочувствием. Да, ее жизнь вернулась в нормальное русло, ну или к подобию нормы.

И вот она здесь, снова припарковалась на Паккардс-Корнер.

Из здания вышла женщина. Фрэнки встрепенулась.

Женщина переходит через улицу и проходит мимо машины Фрэнки. Она явно не чувствует, что за ней наблюдают. А вот Фрэнки очень даже хорошо ощущает ее близость. Блондинка в черных легинсах и белом пу-

ховике, которые неплохо подчеркивают ее тонкую талию и стройные ноги. У Фрэнки тоже когда-то была такая фигура, но это было до появления двойняшек и до наступления среднего возраста, а потом бесконечные часы за рабочим столом и постоянные перекусы на бегу сделали свое дело — бедра стали шире, ляжки раздулись.

Фрэнки наблюдает в зеркало заднего вида, как женщина идет к остановке. Она думает: не продолжить ли наблюдение пешком? Или подойти и представиться, а потом предложить поговорить, как цивилизованные люди. Можно даже предложить зайти в кафе чуть дальше по улице. Но Фрэнки не может заставить себя выйти из машины. За долгую карьеру копа она выбивала ногой двери, выслеживала убийц, дважды смотрела в ствол пистолета, но при всем этом не может заставить себя встретиться лицом к лицу с мисс Лоррейн Коновер, возраст — сорок шесть лет, продавец-консультант в «Мейси», без криминального прошлого.

Женщина сворачивает за угол и исчезает из виду.

Фрэнки откидывается на сиденье. Она не готова завести машину, не готова встретиться с другими кошмарами, которые припас для нее наступающий день.

Одной мертвой девушки более чем достаточно.